Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 58
Warszawa 2023
Article No. 2878

Citation:
Анхимюк, О., & Шимула, Р. (2023). Одоризмы как отражение оценочного восприятия в романе Л. Улицкой *Казус Кукоцкого*. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, *58*, Article 2878. https://doi.org/10.11649/sfps.2878
Anchimiuk, O., & Szymula, R. (2023). Odorizmy kak otrazhenie otsenochnogo vospriiatiia v romane L. Ulitskoĭ *Kazus Kukotskogo*. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, *58*, Article 2878. https://doi.org/10.11649/sfps.2878

DOI: 10.11649/sfps.2878

Ольга Анхимюк
(Университет в Белостоке, Белосток)

Роберт Шимула
(Университет в Белостоке, Белосток)

Одоризмы как отражение оценочного восприятия в романе Л. Улицкой *Казус Кукоцкого*

Обоняние является одним из самых важных чувств, которые человек использует в своей жизни, а способность человека сознательно распознавать запах – одним из самых значимых его элементов. Однако отсутствие в прошлом свидетельств упоминания запаха и обоняния в культуре, науке, искусстве, по мнению Катажины Мани и Генрика Шимусяка, связано с тем, что чувство обоняния занимало одну из низших ступеней в сенсорной иерархии по сравнению со зрением и слухом (Mania & Szymusiak, 2012, с. 146). Обоняние – это одно из двух так называемых химических чувств (наряду со вкусом), когда для получения информации необходим прямой контакт между стимулами и рецепторными клетками (Czerniawska & Czerniawska-Far, 2007, с. 9). Ученые-физиологи выделяют 2 группы обонятельных функций: базовые (обнаружение запаха,

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.en), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2023.
Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk]

определение интенсивности запаха) и высшие (различение запахов и их идентификация, запоминание запахов, интеграция различных запахов, позволяющая составлять новые) (Potargowicz, 2008, с. 88).

Физиологами и биологами были предложены различные классификации запахов, базирующиеся на субъективном впечатлении в зависимости от наличия пахучего вещества. Типология Хендрика Цваардемакера 1890-х годов основана на качественности ощущения и включает следующие запахи: эфирные (ацетон), ароматические (гвоздика), бальзамические (ваниль), амбромускусные (мускус), чесночные (сероводород), иловые (сыр), противные (запах тола) (Кондаков, 2003, с. 159). Немецкий физиолог Ханс Хеннинг в 1920-х годах выделил 6 основных первичных запахов: фруктовый, цветочный, смолистый, пряный, гнилостный, горелый (Мещеряков & Зинченко, 2003, с. 304). Джон Эймур в 1960-х годах утверждал, что существует 7 первичных запахов: камфороподобный, цветочный, мускусный, мятный, эфирный, гнилостный и острый (Мещеряков & Зинченко, 2003, с. 303). Наиболее точной, по нашему мнению, является классификация М. Шлейдт, П. Ньюмена и Х. Моришиты (Schleidt и др., 1988, сс. 279–293), которые, сравнивая восприятие приятных и неприятных запахов представителями разных культур, все слова, обозначающие запахи, представили в пяти больших группах: запахи цивилизационные (искусственные запахи повседневной среды) и природные (запахи естественной среды); человеческие запахи; запахи пищи и напитков; иные запахи, в частности, связанные с разложением (Schleidt и др., 1988, сс. 279–293).

Вопросы, связанные с изучением запаха как семантической категории, выходят на уровень когнитивной лингвистики, а именно познание действительности через запах. Когнитивный подход позволяет предположить, что окружающий мир воспринимается и описывается «через сетку определенных координат, устанавливающих отличия объектов от процессов, процессов от признаков и т. п.» (Кубрякова, 2004, с. 64). Лексика с семой ‘запах’, анализ языковой репрезентации концепта ЗАПАХ, лингвокультурологические аспекты его восприятия носителями разных культур находятся в центре многих научных исследований в современной лингвистике, например, Э. Билас-Плешак (Biłas-Pleszak, 2014), Э. Билас-Плешак и К. Суйковской-Собиш (Biłas-Pleszak & Sujkowska-Sobisz, 2010, 2012), М. Бугайского (Bugajski, 2004), И. Витковской (Witkowska, 2021), А. Гинтер (Ginter, 2020), О. Н. Григорьевой (Григорьева, 2004), А. Грыбосевой

(Grybosiowa, 1989), А. А. Колупаевой (Колупаева, 2008), Н. А. Куликовой (Куликова, 2010), В. В. Мамцевой (Мамцева, 2015), М. Михальской-Суханек (Michalska-Suchanek, 1995), Н. С. Павловой (Павлова, 2004), А. Пайдинской (Pajdzińska, 1996), К. Писарковой (Pisarkowa, 1972), Н. А. Рогачевой (Рогачева, 2011), Ю. Самсель (Samsel, 2012), Б. Тарновской (Tarnowska, 2014), П. В. Трофимовой (Трофимова, 2007), А. В. Шилиной (Шилина, 2013), Н. Юзвяк (Jóźwiak, 2020), О. А. Ярцевой (Ярцева, 2015). Лексика с семой ‘запах’ как объект изучения является структурно и семантически разнообразной, но не до конца изученной.

Для обозначения объекта нашего исследования – лексических единиц, в содержание которых входит категориально-лексическая сема ‘запах’, мы вслед за Натальей Зыховской и Людмилой Зубановой (Зыховская & Зубанова, 2016) используем термин «одоризм», т. е. отдельное слово (выражение), связанное с общим тематическим полем *запах*[1].

Материал для анализа был взят из романа Л. Улицкой *Казус Кукоцкого* (в будущем планируется проведение анализа других произведений автора с точки зрения перцепции запахов). Обращение к данному произведению не случайно. Проблемы, затрагиваемые в этом романе, являются актуальными и контроверсионными. *Казус Кукоцкого* – это семейная сага, описывающая жизнь трех поколений семьи Кукоцких (профессора гинекологии Павла Алексеевича Кукоцкого, его жены Елены Георгиевны, дочери Елены Тани, их внучки Жени, а также Томы Полосухиной, взятой под опеку после смерти ее матери от криминального аборта, и Василисы Гавриловны, бывшей монахини, помощницы в доме Кукоцких) на фоне важнейших событий, связанных с историей Советского государства до середины 1960-х годов. В центре художественного мира романа – кризис современной семьи и современного общества. Распад семьи Кукоцких вызван разным отношением его членов к теме легализации абортов (Кукоцкий – сторонник предоставления женщинам выбора, его жена считает прерывание беременности актом убийства). Запрет на прерывание беременности (закон строго запрещал женщинам «убивать» будущих солдат и рабочих), введенный Сталиным в 1936 году, является в произведении символом полного контроля государства над жизнью граждан.

[1] Синонимичные термины, используемые в научной литературе: одоративы, одористическая лексика, одоративная лексика, ольфакторная лексика, ольфакторий, лексика с семой ‘запах’, лексика обоняния.

Аборт появляется в романе как медицинская, социальная и религиозная проблема. В христианстве аборт или прерывание беременности является грехом. Как отмечает Ванда Супа, Л. Улицкая в романе избегает таких богословских терминов, как «грех», «спасение», «бессмертие души», «ад», «Царство Божье», писательница обращается к общеизвестным архетипам, символам и когнитивным парадигмам типа: вода, свет, огонь, дорога (Supa, 2018, с. 100). Раскрытие темы романа происходит в контексте контактов героев с природными и цивилизационными запахами.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей вербальной репрезентации запахов, сопровождающих жизнь героев произведения Л. Улицкой *Казус Кукоцкого*, и их оценочного восприятия, определение частеречной принадлежности ключевого слова и одорических структур, используемых для разностороннего языкового осмысления. Работа проведена в рамках когнитивно-функционально-стилистического подхода. Для реализации поставленных задач использованы элементы лексико-семантического, семантико-стилистического, контекстуального, описательного, интерпретационного метода и метода лингвистического анализа.

Лексемы с семой ‘запах’ в анализируемом произведении Л. Улицкой – это группа, состоящая из разных частей речи: имен существительных, имен прилагательных, глаголов (наречия не обнаружены). Данные лексемы, хотя важны для создания образов героев романа, не являются многочисленными. Как утверждает Н. С. Павлова, одна из основных причин скудности языковых средств, манифестирующих запах как элемент эмпирического компонента значения, – это исключительно чувственная, неосязаемая и невидимая природа запаха (Павлова, 2004, с. 37). Исследовательница типовыми характеристиками запаха считает его гедонистическую оценку, его интенсивность, его способность воздействовать на человека и его качество запаха (указание на источник запаха, сравнение с запахом-ориентиром). В нашем анализе мы сосредоточили внимание только на гедонистической оценке (приятный – неприятный).

Исследователи по-разному определяют причины разделения запахов на приятные и неприятные. Эльжбета Потаргович, ссылаясь на исследования Ц. Р. Вирсиг-Вихманна, П. Дальтона, С. Нордина, Т. Хуммеля и Д. Чена, утверждает, что вызываемые у человека положительные или отрицательные реакции на запахи зависят от химической природы их самих (Potargowicz, 2008, с. 90). Эва Чернявска и Иоанна Чернявска-Фар

подчеркивают, что аффективная категоризация обонятельных стимулов имеет в большей степени непроизвольный характер, что не исключает возможности осознанной аффективной оценки (Czerniawska & Czerniawska-Far, 2007, с. 15). То, что аффективное кодирование ольфакторных стимулов является врожденной чертой, подчеркивают также Катажина Маня и Хенрик Шимусяк (Mania & Szymusiak, 2012, сс. 153–154). Мирослава Михальска-Суханек утверждает, что сенсорный опыт обонятельных ощущений у большинства людей более-менее похожий, а их реакции являются в значительной степени стереотипными, что можно объяснить тождеством обонятельных стимулов и видовой обусловленностью (Michalska-Suchanek, 1995, с. 528). В свою очередь Иоланта Любоха-Круглик считает, что аффективная классификация запахов на приятные и неприятные зависит чаще всего от индивидуальных предпочтений данного человека (Lubocha-Kruglik, 2010, с. 168). По мнению Жана-Франсуа Сташака, любой запах сам по себе не является ни приятным, ни безобразным в рамках универсального масштаба, он оценивается по культурному ключу (Staszak, 2013, с. 44).

Как замечает Мариян Бугайски, у запахов (в отличие от вкусов) в основном нет непосредственных, прямых названий, они называются (описываются), например, по отношению к природным явлениям (*запах трав, цветов*), физическим явлениям (*резкий запах*) или вкусовым ощущениям (*кислый, сладкий запах*) (Bugajski, 2004, с. 17). Такое же мнение высказывает Крыстына Писаркова (Pisarkowa, 1972, сс. 332–333).

Согласно словарному толкованию, *запах* – это ощущение, которое возникает при воздействии пахучих веществ на рецепторы слизистой оболочки носовой полости, и обычно его характеризуют веществом, которое вызывает данное ощущение (Мещеряков & Зинченко, 2003, с. 151). С. А. Кузнецов дает следующую дефиницию данного понятия: «свойство веществ, воспринимаемое обонянием» (Кузнецов, 1998, с. 336). В словаре В. И. Даля запах определяется как «духъ, вонь, воня, благовоніе, что слышится чутьемъ, обоняніем» (Даль, 1880, с. 632). Как видим из вышеприведенных дефиниций, запах определяется и как ощущение, и как свойство, и как вещество. В связи с этим описание запаха тоже многогранно.

Рассмотрим сначала имена существительные: *запах* (40 словоупотреблений), *дух* (1), *аромат* (2), *душок* (1). В романе существительные *запах* и *дух* связаны с восприятием как приятных, так и неприятных одориче-

ских ощущений: «Втянула в себя – пахло чем-то знакомым, приятным, но несъедобным. Откуда забрела память об этом **запахе**[2], неизвестно» (Улицкая, 2020, с. 219); «**Дух** убожества и коммуналки» (Улицкая, 2020, с. 499). При этом, согласно словарным дефинициям, лексема *дух* в словарях представлена с пометой «разговорное» (Кузнецов, 1998, с. 289), «просторечное» (Ожегов, 1984, с. 163).

Существительное *аромат* – ‘приятный запах, благоухание’ (Ефремова, 2000), ‘душистый, приятный запах’ (Ожегов, 1984, с. 30) относится только к приятным запахам: «Дул привычный ветерок, но он нес в себе не колючий враждебный песок, а обрывки запахов, среди которых явственно различалась чуть тошнотворная корица, опасный миндаль и восхитительный **аромат** старой библиотеки» (Улицкая, 2020, с. 248).

Лексема *душок*, согласно словарным дефинициям, в первую очередь обозначает неприятные, загнивающие запахи: ‘запах от чего-н. загнивающего, несвежего’ (Ожегов, 1984, с. 164), ‘запах от портящихся продуктов’ (Ефремова, 2000), С. А. Кузнецов определяет значение этой лексемы как ‘лёгкий запах; запашок’ (Кузнецов, 1998, с. 291). В данном произведении эта лексема обозначает неприятный запах: «Почти как от Василисы, но к Василисиному запаху был еще подмешан не то пот, не то **душок** старой засаленной одежды» (Улицкая, 2020, с. 108).

С гедонистической оценкой связаны использованные в анализируемом произведении Л. Улицкой прилагательные с семой ‘запах’. Положительную оценку несет в себе прилагательное *пахучий* – ‘ароматный, душистый’ (Ефремова, 2000). Данная лексема характеризует также запах по его интенсивности – ‘с сильным, обычно приятным запахом, душистый’ (Ожегов, 1984, с. 438)): «Свежий, густо заваренный **пахучий** чай» (Улицкая, 2020, с. 135).

С отрицательной оценкой связаны прилагательные *вонючий* – ‘издающий вонь, очень плохо пахнущий’ (Кузнецов, 1998, с. 148): «Он всегда был болен, хрипло дышал, курил **вонючий** табак, по квартире ходил с двумя палками» (Улицкая, 2020, с. 117); *смрадный* – ‘издающий смрад; зловонный’ (Кузнецов, 1998, с. 1220): «[…] не выветрилось воспоминание о многочасовом объятии в парадном, в десятисантиметровой близости от сдавленной толпы, от самой смерти, которая представлялась с тех

[2] Шрифтовые выделения в цитатах из повести «Казус Кукоцкого» сделаны авторами.

пор обеим как тесное, темное, **смрадное** место» (Улицкая, 2020, с. 158); *смердящий* – ‘издающий смрад, зловоние; имеющий дурной запах’ (Кузнецов, 1998, с. 1216): «[…] выпивали теплую водку, играли в круговой волейбол, плескались в мелководье и уезжали, оставив после себя **смердящие** горы отбросов» (Улицкая, 2020, с. 412).

Следующей группой одоризмов, использованных в анализируемом произведении Л. Улицкой, являются глаголы. По мнению Н. С. Павловой, в русском языке в роли предикатов предложений с пропозицией ольфакторного восприятия выступают глаголы: восприятия запаха, общей перцептивной семантики, проявления запаха и распространения запаха (Павлова, 2004, с. 5). В романе обнаружены только две группы глаголов. Первую образуют глаголы, обозначающие проявление запаха: *пахнуть*, *нести* и *вонять*. В соответствии со словарными дефинициями, нейтральными по отношению к категории «приятный–неприятный» являются *пахнуть* – ‘издавать какой-н. запах’ (Ожегов, 1984, с. 438), ‘издавать какой-л. запах’ (Кузнецов, 1998, с. 788): «Втянула в себя – **пахло** чем-то знакомым, приятным, но несъедобным» (Улицкая, 2020, с. 219); «В чулане **пахло** мочой и старческой немощью» (Улицкая, 2020, с. 501); и *нести* – ‘пахнуть, передаваться по воздуху’ (Ушаков, 1938, с. 555), ‘передаваться по воздуху (о запахе, тепле и т. п.)’ (Ефремова, 2000). Глагол *нести* может также характеризовать запах по его интенсивности – ‘сильно пахнуть’ (Ожегов, 1984, с. 363): «Ой-ей-ей, какая же маленькая. И как от нее сном **несет**!» (Улицкая, 2020, с. 439). Только к неприятным запахам относится глагол *вонять* – ‘испускать дурной, неприятный запах’ (Ефремова, 2000), ‘издавать вонь’ (Ожегов, 1984, с. 86) (вонь – ‘отвратительный запах, зловоние’ (Ожегов, 1984, с. 86)): «**Воняло** общественной уборной, машинным маслом и бензином» (Улицкая, 2020, с. 158).

Вторую группу составляют глаголы, обозначающие восприятие запаха: *вдыхать*, *втянуть*/*втягивать* и *принюхиваться*, а также глагол *чуять*. Эти глаголы, по нашему мнению, могут отражать активное и пассивное восприятие. Лексемы *вдыхать* – ‘вбирать, втягивать в себя (воздух, пар и т. п.) при вдохе’ (Ефремова, 2000), *втянуть*/*втягивать* – ‘вбирать (в нос, в рот) при вдохе (воздух, жидкость и т. п.)’ (Ефремова, 2000) и *принюхиваться* – ‘нюхать, стараясь определить, распознать какой-л. запах’ (Ефремова, 2000) обозначают активное восприятие запахов: «Ей всего-то и хотелось – любоваться красивыми растениями, ухаживать за ними, трогать иногда руками и **вдыхать** их

запахи» (Улицкая, 2020, с. 178); «**Втянула** в себя – пахло чем-то знакомым, приятным, но несъедобным» (Улицкая, 2020, с. 219); «Павел Алексеевич, сидя за воскресным семейным обедом рядом с женой, **принюхивался** – среди грубоватых запахов Василисиной простой стряпни явственно проступало нечто новое» (Улицкая, 2020, с. 108). Глагол *чуять* – 'чувствовать, познавать органами чувств (обычно обонянием)' (Ефремова, 2000); '1. Распознавать чутьём (о животных). 2. Разг. Ощущать запах, обонять (о человеке)' (Кузнецов, 1998, с. 1487) – обозначает пассивное восприятие: «Воды не было видно, но был запах, обещающий воду, тот сильный запах, который за десятки километров **чуют** животные и несутся к водопою» (Улицкая, 2020, с. 238). Все перечисленные глаголы не несут в себе оценочной гедонистической информации (употребляются для обозначения восприятия как приятных, так и неприятных запахов).

Спектр ольфакторных образов в романе *Казус Кукоцкого* широк. Расширив классификацию М. Шлейдт, П. Ньюмена и Х. Моришиты (Schleidt и др., 1988, сс. 279–293), использованные в романе одоризмы мы представили следующим образом:

1. Природные запахи: объекты живой и неживой природы: *влажная земляная прель; запах дальнего лесного пожара, запах костра, запах, обещающий воду, свежий воздух*; растения: *горькая ромашка; жасмин, простой и сильный запах; тошнотворная корица, опасный миндаль; малиной пахнет; запах его, кисловатый и холодный, был диковинным* (куст); *сильный запах увядающей листвы, сенной трухи*; части растений: *сок раздавленного травяного стебля, земляничный лист*; продукты жизнедеятельности насекомых: *воск*.

Упоминания природных запахов связаны с номинациями объектов живой и неживой природы, издающими запах (земля, растения). В анализируемом романе они не связаны с отрицательной оценкой: не выражены лексическими единицами с отрицательной эмоциональной окраской (это *запах*, а не *душок*), не сочетаются с определениями, выражающими отрицательную оценку (запах характеризуется качеством – *сильный*, *простой*, *редкий*, по источнику – *цветочный*, *запах увядшей листвы*, по ассоциациям с другими чувствами, например, вкусом – *горький*, *кисловатый*, но не как *неприятный*, *вонючий* или *смрадный*): «Елена села на бугре между двух кустов. Один, собравшийся зацвести, был жасмином, **с простым и сильным запахом**» (Улицкая, 2020, с. 294).

Следует помнить, что запахи, как звуки и вкусы, воспринимаются синтетически, индивидуально. Они неотделимы от соответствующих классов предметов (*вкус вишни*, *запах розы*) (Арутюнова, 1988, сс. 84–85). В исследуемом произведении данная закономерность четко прослеживается при описании природных запахов.

2. Цивилизационные запахи:

1) Деревня: *запах кислого молока и даже как будто печного угара.*
2) Улица: *волны пищевых и пивных запахов, слегка приправленные блевотиной*; *смердящие горы отбросов*; *воняло общественной уборной, машинным маслом и бензином* (под грузовиком).
3) Помещение:
   а) квартира: *запах помоев и нечистот; запах кислой сырости, мочи и керосина*; *запах застарелой мочи, кошачьей и человечьей, прокисшей еды, пыли, трухи, умирания*; *смрадные пропасти*; *сложный запах – больницы, пыли и какой-то горьковатой травы*; *дух убожества и коммуналки*; *пахло влажной землей*; *пахло краской, клеем и жареным гусем* (во время ремонта); мебель: *средоточие ужасного запаха*; *пахучее одеяло* (постель); *пахло не то кошками, не то старой мочой* (кровать); *пахло воровством* (кресло – военные трофеи);
   б) чулан: *пахло мочой и старческой немощью*;
   в) парадное: *тесное, темное смрадное место*;
   г) кухня: *грубоватые запахи Василисиной стряпни, запах чая*; *запах жареного лука*; *пахучий чай*; *свежая заварка, необыкновенно пахучая*; *пахучий, какой-то экзотический чай*; *пахучее варенье*;
   д) помещение, где размещалась лаборатория: *запахи вивария, чего-то химического, вареного, горячего, противного, притягательного*;
   е) лаборатория: *тяжелый лабораторный запах – спиртовой, формалиновый, с примесью вивария и хлороформа*; *сложный запах – больницы, пыли*;
   ж) библиотека: *аромат старой библиотеки: старая кожа, сухая бумага и сладкий клей*;
   з) туалет: *сильно пахло мылом*;
   и) клуб моряков: *рыбой не воняло.*

В анализируемом романе запахи цивилизации связаны с однозначной отрицательной оценкой. Л. Улицкая постепенно усиливает оценочный

компонент по мере отдаления от природы и приближения к городу. Запахи человека проникают в природу («запах недавно здесь проходившего человека», «запах костра и какой-то пищи»), однако в данных сценах романа являются нейтральными (не имеют ни положительной, ни отрицательной коннотации): «Ветер принес **запах костра** и какой-то пищи» (Улицкая, 2020, с. 296); «От земли поднималось **множество запахов** – влажная земляная прель, сок раздавленного травяного стебля, земляничный лист, воск, горькая ромашка… И даже запах недавно здесь проходившего человека» (Улицкая, 2020, с. 294).

Оценка ольфакторных элементов действительности изменяется в городе – центре цивилизации. Запахи воспринимаются как неприятные уже на улицах города: «Они вышли на затопленный людским наводнением бульвар, ощущая избыточную густоту южного вечера, […] **волны пищевых и пивных запахов слегка приправленные блевотиной**» (Улицкая, 2020, с. 404).

Запахи становятся все более неприятными по мере приближения к человеку. С отрицательными ассоциациями, выраженными при помощи лексических средств с оценочным компонентом значения, связаны запахи еды («удерживая **тошноту** от кухонных запахов», «**воняло** в доме ее варевом»), одежды героев («**душок** старой засаленной одежды»), предметов, к которым они прикасаются («Девочки подошли к постели – средоточию **ужасного** запаха»). По мнению К. Писарковой, человеческое тело не должно иметь запаха, его запах не должен замечаться другими людьми (Pisarkowa, 1972, с. 337). В произведении Л. Улицкой запах самого человека не является неприятным. Как неприятные воспринимаются запахи цивилизации, т.е. тех элементов окружающей действительности, к которым «прикасается» человек. В цивилизованном обществе свои естественные запахи человек старается замаскировать: «Томе было совершенно очевидно, что между этими чистыми, **хорошо пахнущими и красиво одетыми людьми**, несмотря на то что были они мужем и женой, не могло происходить той гнусной гадости, от которой померла бедная мамка» (Улицкая, 2020, с. 471).

Особенно выразительным является ольфакторный образ человеческих жилищ. Человек, пребывая в помещениях, насыщает их запахами грязи, отходов и т.п., которые являются очень неприятными (определения *потухший*, *сгнивший*; глагол *вонять*): «Запах кислой сырости, мочи и керосина, но все это **протухшее, сгнившее**» (Улицкая, 2020, с. 74); «**Воняло** общественной уборной, машинным маслом и бензином» (Улицкая, 2020, с. 158).

Интересным исключением является туалет, который пахнет мылом, в то время как он традиционно ассоциируется с очень неприятными одорическими ощущениями.

Автор произведения передает приятный или неприятный сенсорный опыт обонятельных ощущений героев непосредственно, при помощи прилагательных с оценочным компонентом таких, как *приятный*, *ужасный*, *грубоватый*, *тошнотворный*, *опасный*, или косвенно, благодаря коннотациям, которые вызывают у адресатов сами источники запахов: «Девочки подошли к постели – средоточию **ужасного** запаха» (Улицкая, 2020, с. 74); «И самое нестерпимое, пробивающийся даже после самой тщательной уборки запах **застарелой мочи, кошачьей и человечьей, прокисшей еды, пыли, трухи, умирания**» (Улицкая, 2020, с. 470).

В произведении Л. Улицкой встречаются лексемы, которые характеризуют способ распространения запаха. Это имеющие динамический характер существительные и глаголы, связанные с метафорикой движения (*волны*, *подниматься*): «Они вышли на затопленный людским наводнением бульвар, ощущая избыточную густоту южного вечера, […] **волны** пищевых и пивных **запахов**, слегка приправленные блевотиной» (Улицкая, 2020, с. 404); «От земли **поднималось множество запахов**» (Улицкая, 2020, с. 294). В романе встречаются также лексемы, подчеркивающие агрессивность цивилизационных запахов (*ударить*, *удар*): «Павел Алексеевич поздоровался – **ударило запахом помоев и нечистот**» (Улицкая, 2020, с. 22); «Первый **удар** пришелся по обонянию. **Запах кислой сырости, мочи и керосина**, но все это протухшее, сгнившее, смертельное» (Улицкая, 2020, с. 74).

В русской народной культуре запах зачастую выступает как признак пограничных состояний, характеризующий оппозиции: жизнь – смерть, свой – чужой, грех – невинность. Как подчеркивает Алла А. Колупаева, обонятельные слова, передающие оценочные смыслы «положительный – отрицательный», на языковом уровне служат реализацией данных оппозиций (Колупаева, 2008, с. 87).

В анализируемом романе одоризмы с оценочным семантическим компонентом используются, например, для описания предметов, к которым прикасается тело женщины после криминального аборта (грех детоубийства): «Рядом с кроватью стоял таз, полный бурого белья. Девочки подошли к постели – средоточию **ужасного** запаха» (Улицкая, 2020, с. 74).

Особенно выразительна сцена, в которой героиня сталкивается первый раз в жизни с абортом (видит женщину после подпольного аборта). Для описания реакции Тани автор использует прилагательное *смрадный*, которое может вызывать ассоциации с Геенной и, следовательно, с адом (упомянутая уже в Евангелие от Матфея Геенна, современный символ ада – «А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака́», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной» (Евангелие от Матфея, 5: 22; *Евангелие от Матфея*, б. д.) – долина в Израиле, в которой в древности израильтяне поклонялись идолам и сжигали детей, а позже превратили место в свалку нечистот, от которых исходил сильный смрад): «Тома всхлипывала. Таня зажмурилась: грохот, скрежет, обвал… Шатались стены, смещались пласты, разверзлись **смрадные пропасти**… Рушилась вся жизнь, и Таня понимала, что с этой минуты прежней она уже не будет никогда» (Улицкая, 2020, с. 75).

3. **Запах, принадлежащий человеку**: *запах недавно здесь проходившего человека. Она мгновенно узнала, какого именно человека*;

Запах героев:

Танин запах: *обострялся всякий раз, когда он вылезал из постели и возвращался в нее снова*;

У Василисы свой запах: *деревенский запах – кислого молока, сенной трухи и даже как будто печного угара*;

Елены: *Слабое желтовато-розовое пламя, существующее лишь в его видении, с каким-то редким цветочным запахом, чуть тёплое на ощупь, подсвечивало женщину и было, в сущности, частью её самой. Вместо прежнего цветочно-телесного аромата пахло вдовством, пылью и постным маслом. Почти как от Василисы, но к Василисиному запаху был ещё подмешан не то пот, не то душок старой засаленной одежды*;

Кукоцкого: *Вдохнула его родной запах, который всегда ей так нравился, – смесь медицины, войны и алкоголя*; *пахнет водкой, то свежей, то перегаром*;

Кукоцкого и Елены: *хорошо пахнущими и красиво одетыми людьми*;

Михаила Федоровича (мужа Томы Полосухиной): *со своим запахом шипра, пота и почему-то старой кожи*;

Михаила Федоровича с женой: *по воскресеньям они не воняют*;

Монаха: *не часто мытого тела с ладаном, пропитавшим его одежду, сыросги и пастилок, которые он жевал от мучившей его зубной боли*;

Монахини: *От ее одежды пахло корицей, которую он с детства терпеть не мог, горьким миндалем и ладаном*;

Младенца: *как от нее сном несет*;

Очереди (группы людей): *шевелилась, слегка продвигалась вперед, покачивалась, переругивалась, воняла*.

Одоризмы в художественных произведениях не только выступают средством дополнительной выразительности и вызывают у читателя различные ассоциации, но участвуют также в развитии сюжетного действия. Они могут служить способом отражения перемен, происходящих с героями. По мнению Эвы Билас-Плешак и Катажины Суйковской-Собиш, «запах помогает показать преображение героя, аксиологизирует описание, благодаря запаху богатство содержания, особенно читаемого сердцем, а не головой, можно представить в более сжатом виде» (Biłas-Pleszak & Sujkowska-Sobisz, 2010, с. 111). Герои *Казуса Кукоцкого*, совершая плохие поступки, становятся все менее связанными с природой и все более приближены к цивилизации, что отражается в их ольфакторном образе:

> Павел Алексеевич, сидя за воскресным семейным обедом рядом с женой, принюхивался – среди грубоватых запахов Василисиной простой стряпни явственно проступало нечто новое: **от Елены вместо прежнего цветочно-телесного аромата пахло вдовством, пылью и постным маслом**. Почти как от Василисы, но к Василисиному запаху был еще **подмешан не то пот, не то душок старой засаленной одежды**… (Улицкая, 2020, с. 108).

Как утверждает Екатерина И. Косинцева, оценка запаха как приятного или неприятного помогает создать у читателя определенное впечатление об изображаемом фрагменте текстовой реальности (Косинцева, 2020, с. 5). Однако данный прием не служит только средством «украшения» мира, созданного в романе, становления образа более реалистическим, более многогранным. Изображение запаха, по мнению Н. А. Николиной, это «всегда средство выражения авторских оценок или оценок персонажа, которое одновременно выявляет особенности и образного видения мира, и ассоциативного мышления» (Николина, 2004, с. 68).

Улицкая в своем произведении создает параллель между двумя линиями оценки: дихотомия «приятный – неприятный» является одновременно реализацией дихотомии «хороший – плохой», под-

черкивающей идейный посыл произведения. Как замечает Зоя Куца, в произведении при помощи евангельских мотивов и на уровне героев (святые, праведники, преподобные, юродивые, обычные мирские люди и т. д.) выразительно противопоставлены такие оппозиции, как добро и зло, Бог и сатана, рай и ад. На наш взгляд, Л. Улицкая выражает эти оппозиции также на уровне дихотомии природа – цивилизация, где природа является олицетворением добра, а цивилизация зла. Как подчеркивает Варвара С. Вуколова, герои Улицкой, приближаясь к природе, через природу осознают присутствие Бога в их жизни, так как голос природы является голосом её Создателя (Вуколова, 2017, сс. 58, 77). Отход от добра – природы приводит человека к вырождению, символом которого являются аборты – высшая степень греха (убийство). Наталья А. Рогачева замечает, что традиционное представление о добре и зле в литературном ольфакторном пространстве находит выражение в противопоставлении благоухания и зловония (Рогачева, 2011, с. 14). В романе Л. Улицкой соотнесенность понятий благоухания (добра) и зловония (зла, греха) связана с характеристикой природы и цивилизации. Лексемы, использованные для номинации и характеристики негативно маркированных запахов, являются принадлежностью мира аморальности, мира, далекого от природы и противоречащего ее ценностям.

Библиография

Словари

Даль, В. И. (1880). *Толковый словарь живаго великорускаго языка: В 4 т.* (Vol. 1). Изданіе книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. https://runivers.ru/lib/book3178/

Ефремова, Т. Ф. (2000). *Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный*. Русский язык. https://www.efremova.info/

Кондаков, И. М. (2003). *Психология: Иллюстрированный словарь*. Прайм-ЕВРОЗНАК.

Кузнецов, С. А. (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. Норинт.

Мещеряков, Б. Г., & Зинченко, В. П. (Eds.). (2003). *Большой психологический словарь*. Прайм-ЕВРОЗНАК.

Ожегов, С. И. (1984). *Толковый словарь русского языка* (Н. Ю. Шведова, Ed.). Русский язык.

Ушаков, Д. Н. (Ed.). (1938). *Толковый словарь русского языка* (Vol. 2). Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей.

Литература

Арутюнова, Н. Д. (1988). *Типы языковых значений: Оценка, событие, факт*. Наука.

Вуколова, В. С. (2017). *Литературоцентричность прозы Людмилы Евгеньевны Улицкой (интертекстуальный аспект)* [Unpublished doctoral dissertation]. Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина.

Григорьева, О. Н. (2004). *Цвет и запах власти: Лексика чувственного восприятия в публицистических и художественных текстах*. Флинта; Наука.

Евангелие от Матфея. (n.d.). Русская Православная Церковь: Официальный сайт Московского Патриархата. http://www.patriarchia.ru/bible/mf/5/

Зыховская, Н., & Зубанова, Л. (2016, January). *Ольфакторная поэтика как научная проблема: Исследование национально-культурного своеобразия интерпретации запахов*. Researchgate. https://www.researchgate.net/publication/307957081_Smell_Olfaktorical_facet_of_social_reality

Колупаева, А. А. (2008). Национальные особенности концепта запах в русском языке. *Вестник Тамбовского университета: Серия Гуманитарные науки*, *2008*(7), 86–88.

Косинцева, Е. И. (2020). *Динамические процессы в системе глаголов восприятия и их роль в художественном тексте: Научно-практическая конференция Родной язык: От традиции к современности*. http://psihdocs.ru/dinamicheskie-processi-v-sisteme-glagolov-vospriyatiya-i-ih-ro.html?page=5

Кубрякова, Е. С. (2004). *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира*. Языки славянской культуры.

Куликова, Н. А. (2010). *Одорический код в художественном тексте: Лингвоэвокационное исследование (на материале художественной прозы А. П. Чехова)* [Unpublished doctoral dissertation]. Алтайский государственный университет.

Мамцева, В. В. (2015). К вопросу о вербализации концепта «запах» в художественной литературе. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*, *2015*(2(86)), 101–106.

Николина, Н. А. (2004). Мир запахов в художественной прозе А. П. Чехова. *Русский язык в школе*, *2004*(3), 68–74.

Павлова, Н. С. (2004). Конкретная лексика с семантическим компонентом «запах» (на материале толкового словаря немецкого языка DUDEN). *Известия Уральского государственного университета*, *2004*(33), 33–45.

Рогачева, Н. А. (2011). *Русская лирика рубежа XIX–XX веков: Поэтика запаха* [Summary of post-doctoral dissertation]. Уральский государственный университет им. А. М. Горького.

Трофимова, П. В. (2007). Обонятельный сегмент предметной сферы романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Вестник Московского государственного областного университета: Серия Психологические науки*, *2007*(4), 29–35.

Улицкая, Л. Е. (2020). *Казус Кукоцкого*. АСТ.

Шилина, А. В. (2013). Лингвокультурологический аспект изучения лексики ольфакторного восприятия. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, *2013*(6), 255–258.

Ярцева, О. А. (2015). Специфика языковой репрезентации запаха в художественной литературе. *Когнитивные исследования языка*, *2015*(21), 409–412.

Biłas-Pleszak, E. (2014). Zapachowe autokreacje w tekstach kultury popularnej (na przykładzie wybranych wywiadów podróżniczych). *Język Artystyczny*, *15*, 147–158.

Biłas-Pleszak, E., & Sujkowska-Sobisz, K. (2010). Zapach w powieściach Gabrieli Zapolskiej – próba palimpsestowej lektury. *Język Artystyczny*, *14*, 99–113.

Biłas-Pleszak, E., & Sujkowska-Sobisz, K. (2012). Rola zapachu we współczesnych komplementach. In A. Burzyńska-Kamieniecka (Ed.), *Akty i gatunki mowy w perspektywie kulturowej* (pp. 181–189). Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.

Bugajski, M. (2004). *Jak pachnie rezeda: Lingwistyczne studium zapachów.* Atut.

Czerniawska, E., & Czerniawska-Far, J. M. (2007). *Psychologia węchu i pamięci węchowej*. Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne.

Ginter, A. (2020). Metafory synestezyjne w opisach doznań zapachowych we współczesnym języku rosyjskim (na podstawie wpisów na blogach o tematyce perfumeryjnej). *Linguodidactica*, *24*, 67–82. https://doi.org/10.15290/lingdid.2020.24.06

Grybosiowa, A. (1989). Opozycja homo ‖ animal w polu wyrazowym percepcji węchowej. In I. Bajerowa (Ed.), *Studia historycznojęzykowe* (pp. 71–81). Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Jóźwiak, N. (2020). Smaki i zapachy dzieciństwa z perspektywy językowo-kulturowej (na podstawie wybranych polskich blogów kulinarnych). *Poznańskie Studia Polonistyczne: Seria Językoznawcza*, *27*(1), 115–128. https://doi.org/10.14746/pspsj.2020.27.1.8

Lubocha-Kruglik, J. (2010). *Semantyczna kategoria perceptywności i jej wykładniki w języku polskim i rosyjskim*. Oficyna Wydawnicza Wacław Walasek.

Mania, K., & Szymusiak, H. (2012). Między aromamarketingiem a neuromarketingiem: Zapach i jego wpływ na emocje konsumenta. *Zeszyty Naukowe*, *2012*(244), 145–166.

Michalska-Suchanek, M. (1995). Zapach jako kategoria poetyki: Na materiale opowiadań nowelistów rosyjskich lat osiemdziesiątych XIX wieku. *Slavia Orientalis*, *1995*(4), 527–541.

Pajdzińska, A. (1996). Wrażenia zmysłowe jako podstawa metafor językowych. *Etnolingwistyka*, *8*, 113–130.

Pisarkowa, K. (1972). Szkic pola semantycznego zapachów w polszczyźnie. *Język Polski*, *52*, 330–339.

Potargowicz, E. (2008). Węch – niedoceniany zmysł człowieka. *Postępy Higieny i Medycyny Doświadczalnej*, *62*, 87–93.

Samsel, J. (2012). Świat zapachów w opowiadaniach Jarosława Iwaszkiewicza. *Białostockie Archiwum Językowe*, *2012*(12), 197–213. https://doi.org/10.15290/baj.2012.12.12

Schleidt, M., Neumann, P., & Morishita, H. (1988). Pleasure and disgust: Memories and associations of pleasant and unpleasant odours in Germany and Japan. *Chemical Senses*, *13*(2), 279–293. https://doi.org/10.1093/chemse/13.2.279

Staszak, J.-F. (2013). W stronę geografii zapachów (E. Konończuk, Trans.). *Białostockie Studia Literaturoznawcze*, *2013*(4), 41–51. https://doi.org/10.15290/bsl.2013.04.03

Supa, W. (2018). *W kręgu problemów prozy rosyjskiej końca XX – początku XXI wieku*. Prymat.

Tarnowska, B. (2014). Jak pachnie Tel Awiw (i Łódź): O przestrzeniach olfaktorycznych w poezji Renaty Jabłońskiej. *Archiwum Emigracji: Studia – Szkice – Dokumenty*, *2014*(1–2(20–21)), 188–205. https://doi.org/10.12775/AE.2014.014

Witkowska, I. (2021). *Wyrazić nienazwane: Językowo-kulturowy obraz zapachu we współczesnej polszczyźnie (na przykładzie tekstów perswazyjnych)*. Universitas.

Bibliography (Transliteration)

Dictionaries

Dal′, V. I. (1880). *Tolkovyĭ slovar′ zhivago velikoruskago iazyka: V 4 t.* (Vol. 1). Izdanīe knigoprodavtsa-tipografa M. O. Vol′fa.

Efremova, T. F. (2000). *Novyĭ slovar′ russkogo iazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel′nyĭ*. Russkiĭ iazyk. https://www.efremova.info/

Kondakov, I. M. (2003). *Psikhologiia: Illiustrirovannyĭ slovar′*. Praĭm-EVROZNAK.

Kuznetsov, S. A. (1998). *Bol′shoĭ tolkovyĭ slovar′ russkogo iazyka*. Norint.

Meshcheriakov, B. G., & Zinchenko, V. P. (Eds.). (2003). *Bol′shoĭ psikhologicheskiĭ slovar′*. Praĭm-EVROZNAK.

Ozhegov, S. I. (1984). *Tolkovyĭ slovar′ russkogo iazyka* (N. IU. Shvedova, Ed.). Russkiĭ iazyk.

Ushakov, D. N. (Ed.). (1938). *Tolkovyĭ slovar′ russkogo iazyka* (Vol. 2). Gos. in-t "Sov. ėntsikl."; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slovareĭ.

Literature

Arutiunova, N. D. (1988). *Tipy iazykovykh znacheniĭ: Otsenka, sobytie, fakt*. Nauka.

Biłas-Pleszak, E. (2014). Zapachowe autokreacje w tekstach kultury popularnej (na przykładzie wybranych wywiadów podróżniczych). *Język Artystyczny*, *15*, 147–158.

Biłas-Pleszak, E., & Sujkowska-Sobisz, K. (2010). Zapach w powieściach Gabrieli Zapolskiej – próba palimpsestowej lektury. *Język Artystyczny*, *14*, 99–113.

Biłas-Pleszak, E., & Sujkowska-Sobisz, K. (2012). Rola zapachu we współczesnych komplementach. In A. Burzyńska-Kamieniecka (Ed.), *Akty i gatunki mowy w perspektywie kulturowej* (pp. 181–189). Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.

Bugajski, M. (2004). *Jak pachnie rezeda: Lingwistyczne studium zapachów*. Atut.

Czerniawska, E., & Czerniawska-Far, J. M. (2007). *Psychologia węchu i pamięci węchowej*. Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne.

Evangelie ot Matfeia. (n.d.). Russkaia Pravoslavnaia TSerkov′: Ofitsial′nyĭ saĭt Moskovskogo Patriarkhata. http://www.patriarchia.ru/bible/mf/5/

Ginter, A. (2020). Metafory synestezyjne w opisach doznań zapachowych we współczesnym języku rosyjskim (na podstawie wpisów na blogach o tematyce perfumeryjnej). *Linguodidactica*, *24*, 67–82. https://doi.org/10.15290/lingdid.2020.24.06

Grigor′eva, O. N. (2004). *TSvet i zapakh vlasti: Leksika chuvstvennogo vospriiatiia v publitsisticheskikh i khudozhestvennykh tekstakh*. Flinta; Nauka.

Grybosiowa, A. (1989). Opozycja homo ‖ animal w polu wyrazowym percepcji węchowej. In I. Bajerowa (Ed.), *Studia historycznojęzykowe* (pp. 71–81). Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

IArtseva, O. A. (2015). Spetsifika iazykovoĭ reprezentatsii zapakha v khudozhestvennoĭ literature. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, *2015*(21), 409–412.

Jóźwiak, N. (2020). Smaki i zapachy dzieciństwa z perspektywy językowo-kulturowej (na podstawie wybranych polskich blogów kulinarnych). *Poznańskie Studia Polonistyczne: Seria Językoznawcza*, *27*(1), 115–128. https://doi.org/10.14746/pspsj.2020.27.1.8

Kolupaeva, A. A. (2008). Natsional′nye osobennosti kontsepta zapakh v russkom iazyke. *Vestnik Tambovskogo universiteta: Seriia Gumanitarnye nauki*, *2008*(7), 86–88.

Kubriakova, E. S. (2004). *IAzyk i znanie: Na puti polucheniia znaniĭ o iazyke: Chasti rechi s kognitivnoĭ tochki zreniia: Rol′ iazyka v poznanii mira*. IAzyki slavianskoĭ kul′tury.

Kosintseva, E. I. (2020). *Dinamicheskie protsessy v sisteme glagolov vospriiatiia i ikh rol′ v khudozhestvennom tekste: Nauchno-prakticheskaia konferentsiia Rodnoĭ iazyk: Ot traditsii k sovremennosti*. http://psihdocs.ru/dinamicheskie-processi-v-sisteme-glagolov-vospriyatiya-i-ih-ro.html?page=5

Kulikova, N. A. (2010). *Odoricheskiĭ kod v khudozhestvennom tekste: Lingvoėvokatsionnoe issledovanie (na materiale khudozhestvennoĭ prozy A. P. Chekhova)* [Unpublished doctoral dissertation]. Altaĭskiĭ gosudarstvennyĭ universitet.

Lubocha-Kruglik, J. (2010). *Semantyczna kategoria perceptywności i jej wykładniki w języku polskim i rosyjskim*. Oficyna Wydawnicza Wacław Walasek.

Mamtseva, V. V. (2015). K voprosu o verbalizatsii kontsepta “zapakh” v khudozhestvennoĭ literature. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. IA. IAkovleva*, *2015*(2(86)), 101–106.

Mania, K., & Szymusiak, H. (2012). Między aromamarketingiem a neuromarketingiem: Zapach i jego wpływ na emocje konsumenta. *Zeszyty Naukowe*, *2012*(244), 145–166.

Michalska-Suchanek, M. (1995). Zapach jako kategoria poetyki: Na materiale opowiadań nowelistów rosyjskich lat osiemdziesiątych XIX wieku. *Slavia Orientalis*, *1995*(4), 527–541.

Nikolina, N. A. (2004). Mir zapakhov v khudozhestvennoĭ proze A. P. Chekhova. *Russkiĭ iazyk v shkole*, *2004*(3), 68–74.

Pajdzińska, A. (1996). Wrażenia zmysłowe jako podstawa metafor językowych. *Etnolingwistyka*, *8*, 113–130.

Pavlova, N. S. (2004). Konkretnaia leksika s semanticheskim komponentom “zapakh” (na materiale tolkovogo slovaria nemetskogo iazyka DUDEN). *Izvestiia Ural′skogo gosudarstvennogo universiteta*, *2004*(33), 33–45.

Pisarkowa, K. (1972). Szkic pola semantycznego zapachów w polszczyźnie. *Język Polski*, *52*, 330–339.

Potargowicz, E. (2008). Węch – niedoceniany zmysł człowieka. *Postępy Higieny i Medycyny Doświadczalnej*, *62*, 87–93.

Rogacheva, N. A. (2011). *Russkaia lirika rubezha XIX–XX vekov: Poėtika zapakha* [Summary of post-doctoral dissertation]. Ural′skiĭ gosudarstvennyĭ universitet im. A. M. Gor′kogo.

Samsel, J. (2012). Świat zapachów w opowiadaniach Jarosława Iwaszkiewicza. *Białostockie Archiwum Językowe*, *2012*(12), 197–213. https://doi.org/10.15290/baj.2012.12.12

Schleidt, M., Neumann, P., & Morishita, H. (1988). Pleasure and disgust: Memories and associations of pleasant and unpleasant odours in Germany and Japan. *Chemical Senses*, *13*(2), 279–293. https://doi.org/10.1093/chemse/13.2.279

Shilina, A. V. (2013). Lingvokul′turologicheskiĭ aspekt izucheniia leksiki ol′faktornogo vospriiatiia. *Aktual′nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, *2013*(6), 255–258.

Staszak, J.-F. (2013). W stronę geografii zapachów (E. Konończuk, Trans.). *Białostockie Studia Literaturoznawcze*, *2013*(4), 41–51. https://doi.org/10.15290/bsl.2013.04.03

Supa, W. (2018). *W kręgu problemów prozy rosyjskiej końca XX – początku XXI wieku*. Prymat.

Tarnowska, B. (2014). Jak pachnie Tel Awiw (i Łódź): O przestrzeniach olfaktorycznych w poezji Renaty Jabłońskiej. *Archiwum Emigracji: Studia – Szkice – Dokumenty*, *2014*(1–2(20–21)), 188–205. https://doi.org/10.12775/AE.2014.014

Trofimova, P. V. (2007). Oboniatel′nyĭ segment predmetnoĭ sfery romana M. A. Sholokhova "Tikhiĭ Don". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta: Seriia Psikhologicheskie nauki*, *2007*(4), 29–35.

Ulitskaia, L. E. (2020). *Kazus Kukotskogo*. AST.

Vukolova, V. S. (2017). *Literaturotsentrichnost′ prozy Liudmily Evgen′evny Ulitskoĭ (intertekstual′nyĭ aspekt)* [Unpublished doctoral dissertation]. Tambovskiĭ gosudarstvennyĭ universitet imeni G. R. Derzhavina.

Witkowska, I. (2021). *Wyrazić nienazwane: Językowo-kulturowy obraz zapachu we współczesnej polszczyźnie (na przykładzie tekstów perswazyjnych)*. Universitas.

Zykhovskaia, N., & Zubanova, L. (2016, January). *Ol′faktornaia poėtika kak nauchnaia problema: Issledovanie natsional′no-kul′turnogo svoeobraziia interpretatsii zapakhov*. Researchgate. https://www.researchgate.net/publication/307957081_Smell_Olfaktorical_facet_of_social_reality

Olfactory Vocabulary as a Reflection of Evaluative Perception in Ludmila Ulitskaya's Novel *The Kukotsky Enigma*

Summary

The aim of this article is to analyse the olfactory vocabulary in the novel *Kazus Kukotskogo* by Ludmila Ulitskaya (2001; English edition: *The Kukotsky Enigma*, 2016). The issues addressed in the novel are topical and controversial. The theme of the degeneration of Soviet man is revealed against the background

of his contacts with the odours of the natural world and the world of civilisation. The study applies a general classification of olfactory vocabulary developed on the basis of the research by M. Schleidt, P. Newman and H. Morishita, as well as N. S. Pavlova.

Explications of smells in the novel include nouns (*zapakh*, *dukh*, *aromat*, *dushok*), adjectives (*pakhuchiĭ*, *voniuchiĭ*, *smradnyĭ*, *smerdiashchiĭ*) and verbs (denoting the manifestation of smell: *pakhnut'*, *nesti*, *voniat'*; denoting the perception of smell: *vdykhat'*, *vtianut'/vtiagivat'*, *priniukhivat'sia*, *chuiat'*). The evaluative component gradually intensifies as one moves away from nature and approaches the social aspect of human life. The correlation between the concepts of fragrance (good) and stench (evil, sin) is associated with the characteristics of nature and civilisation. The lexemes used to nominate and characterise negatively labelled odours belong to a civilisation that is far from nature and contrary to its values.

Słownictwo dotyczące zapachów jako odzwierciedlenie percepcji wartościującej w powieści Ludmiły Ulickiej *Przypadek doktora Kukockiego*

Streszczenie

Artykuł podejmuje analizę słownictwa dotyczącego zapachów w powieści *Казус Кукоцкого* Ludmiły Ulickiej (2001; wydanie polskie: *Przypadek doktora Kukockiego*, 2006). Zagadnienia poruszane w powieści są aktualne i kontrowersyjne. Temat degeneracji człowieka radzieckiego ujawnia się na tle jego kontaktów z zapachami świata natury i świata cywilizacji. W artykule zastosowano ogólną klasyfikację słownictwa dotyczącego zapachów opracowaną na podstawie badań M. Schleidta, P. Newmana i H. Morishity oraz N. S. Pawłowej.

Eksplikacje zapachów w omawianej powieści obejmują rzeczowniki (*запах*, *дух*, *аромат*, *душок*), przymiotniki (*пахучий*, *вонючий*, *смрадный*, *смердящий*) i czasowniki (oznaczające przejawianie się zapachu: *пахнуть*, *нести*, *вонять*; oznaczające percepcję zapachu: *вдыхать*, *втянуть/*

втягивать, *принюхиваться*, *чуять*). Komponent wartościujący stopniowo nasila się w miarę oddalania się od natury i zbliżania do społecznego aspektu życia człowieka. Korelacja między pojęciami woni (dobro) i odoru (zło, grzech) jest powiązana z cechami natury i cywilizacji. Leksemy używane do nominacji i charakterystyki negatywnie oznaczanych zapachów należą do cywilizacji oddalonej od natury i sprzecznej z jej wartościami.

Keywords: olfactory vocabulary; seme 'smell'; literary text; Ludmila Ulitskaya; novel *The Kukotsky Enigma*

Słowa kluczowe: słownictwo dotyczące zapachów; sem 'zapach'; tekst literacki; Ludmiła Ulicka; powieść *Przypadek doktora Kukockiego*

(1) Olga Anchimiuk, University of Białystok, Białystok, Poland
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2421-5148
Correspondence: o.anchimiuk@uwb.edu.pl

(2) Robert Szymula, University of Białystok, Białystok, Poland
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4879-4554
Correspondence: r.szymula@uwb.edu.pl

Authors' contribution: Both authors participated in creating the conception, data analysis and writing the manuscript to the same extent.

The preparation of this article was financed within the statutory activities of the University of Białystok.

Competing interests: The authors have declared that they have no competing interests.

Publication history: Received: 2022-08-15; Accepted: 2023-02-10; Published: 2023-12-31